

МОЕ ЗНАКОМСТВО С А. Н. ОСТРОВСКИМ

Источник: А. Н. Островский в воспоминаниях современников. Серия литературных мемуаров. Под общей редакцией В. В. Григоренко, С. А. Макашина, С. И. Машинского, Б. С. Рюрикова. М., "Художественная литература", 1966. Подготовка текста, вступительная статья и примечания А. И. РЕВЯКИНА

OCR Бычков М.Н.

Познакомилась я с Александром Николаевичем в Самаре в зиму 1847 или 1848 года ¹, не помню хорошенько.

Помню только, что Александр Николаевич где-то служил ² и приехал в Самару с Евгением Николаевичем Эдельсоном в качества "дельца", над чем они оба очень смеялись. Приехали они по поручению одной дамы, которая жила тогда в Москве и имела в Самаре какие-то недоразумения с своими родственниками. Эта дама была приятельницей одной из моих сестер и еще задолго до их приезда письменно рекомендовала моей матери этих молодых людей.

Об Эдельсоне я уже много прежде слышала от моих сестер, которые видали его в Москве. Он тогда увлекался Лессингом, переводил его "Лаокоона", и сестры мои находили его очень умным и интересным. Одна из них даже описала в очень поэтичном четверостишии рыжую голову Эдельсона:

Бог великих дум хранилищем
Вашу голову избрал,
Потому, как над святилищем,
Золотой покров ей дал.

Про Островского говорили, что он тоже "пописывает", и потому их приезд очень интересовал меня. Наконец они приехали, и как только я услышала, что они у нас, вышла в гостиную и тотчас же узнала, по рассказам, белого, розового, с красивыми чертами лица, рыжего и кудрявого Эдельсона и догадалась, что бледный, высокий, тонкий, с большим лбом и совсем прямыми белокурыми волосами молодой человек должен быть Островский. Эдельсон уже говорил что-то горячо и интересно, вовлекая всех в разговор; белокурый молодой человек больше молчал и казался очень застенчивым и незанимательным, хотя смотрел на нас как-то не совсем просто, что меня против него сразу вооружило. В провинции в то время гостеприимство было самое радушное, и эти молодые люди остались у нас обедать, а впоследствии все время, свободное от занимавшего их дела, проводили у нас или вместе с нами у наших знакомых.

На другой же день Эдельсон сообщил нам, что Островский написал комедию из купеческого быта, что рукопись с ним в Самаре и что если его хорошенько попросить, то он, пожалуй, прочитает ее нам, потому что вообще перечитывать свою комедию ему полезно. Все тотчас же стали просить Островского, он очень мило и просто согласился и сам пошел на свою квартиру за рукописью. В его отсутствие Эдельсон начал внимательно приготавливать все для чтения на круглом столе нашей гостиной: поставил свечи, потребовал графин с водой и стакан и подошел ко мне с просьбой принести карандаш, который надобно положить под руку Александра Николаевича, потому что он обыкновенно много поправляет в своей рукописи во время чтения. Я принесла карандаш, но мне казалось, что Эдельсон слишком носится со своим "сочинителем" и что решительно ничего нельзя ожидать хорошего от этого неразговорчивого молодого человека, который ни разу еще не сказал ничего остроумного, ничего особенно выдающегося. В знак безмолвного протеста я села в угол с большим моим приятелем, мальчиком моих лет, Сашенькой П., который отлично умел всех представлять и уже с первого свидания с Островским точь-в-точь изображал его, с манеры говорить несколько в нос до привычки держать большой палец в верхней бутоньерке фрака. Сашенька тоже уверял меня, что, кроме смеха над самим автором, из пьесы белокурого господина ничего не выйдет. Он кстати напомнил мне, как я недавно прорвалась смехом прямо в лицо одного нашего местного поэта в то время, как он читал самое патетическое место своего произведения, и какой строгий выговор я тогда получила от моей матери. Но нужно сказать несколько слов о тогдашнем самарском обществе, чтобы показать среду, в которую попал Александр Николаевич.